

никакого вниманія; я стояла у дверей, и мнѣ хотѣлось также играть роль, чтобы замѣтили и меня, но, какъ только я брала что-нибудь въ руки, мнѣ говорили: «не тронь, разобьешь», или: «оставь, тебѣ тяжело»;—и мнѣ было досадно и обидно.

Я смотрѣла на гостей; всѣ они были очень оживленны. Левъ Николаевичъ, одѣтый въ военную форму, много рассказывалъ о Севастополѣ, постоянно приговаривая: «ай да дѣвочки!»

Содержанія его разсказа, къ сожалѣнію, не могу вспомнить, хотя слушала его съ огромнымъ вниманіемъ. Всѣ мы, дѣти, очень интересовались войною, слушали чтеніе газетъ, по вечерамъ щипали корплю. Помню появленіе кометы и толки, что она не къ добру; жутко было дѣтскому сердцу, когда мы глядѣли на это прекрасное небесное свѣтило, предвѣщавшее несчастье, бѣдствіе страны.

Съ особеною чуткостью прислушивалась къ словамъ Льва Николаевича вторая моя сестра, Соня, впослѣдствіи его жена, смотрѣвшая на него, какъ на автора «Дѣтства и отрочества», чего онъ, конечно, и не подозревалъ.

Книга эта произвела на нее сильно впечатлѣніе, и она выписала себѣ въ дневникъ и даже выучила наизусть слѣдующія, полныя поэзіи, строки, тронувшія ея дѣтское сердце:

«Вернутся ли когда-нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ? Какое время